

Мэри Мейп Додж
—
Серебряные коньки

Москва
2023

Мэри Мейп Додж
—
Серебряные коньки

Москва
2024

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

Д60

Mary Mapes Dodge
HANS BRINKER OR THE SILVER SKATES

Перевод с английского
Метелины Клягиной-Кондратьевой

Додж, Мэри Мейп.

Д60 Серебряные коньки / Мэри Мейп Додж ; [перевод с английского М. И. Клягиной-Кондратьевой]. — Москва : Эксмо, 2024. — 320 с. — (Яркие страницы).

ISBN 978-5-04-177563-6

Книги Мэри Мейп Додж (1831—1905) оказали значительное влияние на американскую детскую литературу. «Серебряные коньки» наиболее известный ее роман о голландских подростках середины XIX века. Занимательный мелодраматический сюжет переплетается с легендами и историческими фактами и необыкновенно яркими описаниями путешествия мальчиков на коньках по каналам удивительной Голландии.

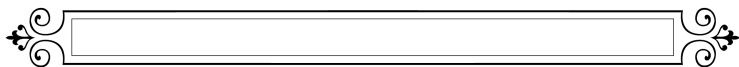
В маленьком городке Бруке намечаются состязания юных конькобежцев. Победителя ждет заветный приз — Серебряные коньки. Больше всех о них грезят дети бедняков Бринкеров, Ханс и Гретель, чей отец десять лет назад упал с плотины и стал калеккой. И хотя эта мечта кажется им недостижимой, накануне Рождества, когда сам воздух пахнет волшебством, обязательно случаются чудеса.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-177563-6

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Глава I

ХАНС И ГРЕТЕЛЬ

Много лет назад в одно ясное декабрьское утро двое бедно одетых ребят стояли, пригнувшись к земле, на берегу одного замерзшего канала в Голландии.

Солнце еще не взошло, но серая пелена на горизонте уже разорвалась, и ее края зарумянились, озаренные малиновым светом наступающего дня. Почти все добрые голландцы покоились в мирном утреннем сне; даже мейнхеер¹ ван Стоппельнозе, этот достойный старый голландец, все еще дремал в сладостном забытии.

По каналу, покрытому гладким, как стекло, льдом, время от времени пробегали на коньках люди: то крестьянка с туго набитой корзиной на голове, то бойкий юноша, который спешил в город на работу и, проносясь мимо дрожавших от холода ребят, строил им добродушную гримасу.

Между тем брат и сестра — они были братом и сестрой, — пыхтя и напрягаясь, привязывали себе что-то к ногам — не коньки, конечно, нет, — а просто деревянные полозья, грубо обточенные и стесанные книзу, с дырками, через которые были продернуты ремешки из сыромятной кожи.

---

¹ Мейнхеер (голланд.) — господин.

Диковинные «коньки» сделал себе и сестре Ханс — так звали мальчика. Его мать была бедная крестьянка, такая бедная, что она и подумать не могла о покупке настоящих коньков для своих детей. Но, как ни грубы были эти полозья, они дали возможность детям провести много веселых часов на льду; а сейчас, когда, стараясь надеть их, наши юные голландцы изо всех сил держали за ремешки застывшими красными пальцами и так согнулись, что чуть не касались коленей сосредоточенными лицами, никакие несбыточные мечты о стальных лезвиях не омрачали их радости.

Но вот мальчик выпрямился и, широко раскинув руки, легко заскользил по льду, пересекая канал.

— За мной, Гретель! — небрежно бросил он девочке.

— Слушай, Ханс, — жалобно крикнула ему сестра, — с этой ногой опять неладно! В прошлый базарный день ремешки натерли мне ногу, а сейчас больно, когда стягиваешь ее в том же месте.

— Так подвяжи их повыше, — ответил Ханс, не глядя на сестру и выписывая на льду великолепную восьмерку.

— А как? Ремешок-то короткий!

Ханс был голландцем, поэтому он только добродушно свистнул (мальчик-англичанин сказал бы, что девочки вечно надоедают) и вернулся к сестре.

— И зачем ты надела эти башмаки, глупенькая? У тебя есть кожаные, почти неношеные. Твои деревянные и то лучше этих.

— Что ты, Ханс! Или ты забыл? Ведь отец бросил в огонь мои хорошие новые башмаки, прямо в горящий торф. Не успела я оглянуться, как они уже совсем скоржились. В этих я еще могу кататься на коньках, а в деревянных нет. Ну, подвязывай, только осторожней...

Ханс вынул из кармана ремешок; что-то напевая, он стал на колени рядом с Гретель и принялся подвязывать

ее «конек», затягивая ремень со всей силой своих крепких молодых рук.

— Ой-ой! — крикнула девочка: ей было очень больно.

Ханс нетерпеливо дернул за ремешок и развязал его. Он швырнул бы его на землю — по примеру многих старших братьев, — если бы не заметил слезинки, катившейся по щеке сестры.

— Я все налажу... не бойся, — сказал он с внезапно вспыхнувшей нежностью. — Только нам мешкать нельзя — ведь нас мама ждет.

Он огляделся, словно ища чего-то: сначала взглянул на землю, потом на голые ветви ивы у себя над головой и наконец на небо, теперь ярко расцвеченное голубыми, малиновыми и золотистыми полосами.

Нигде не было того, что он искал. Но вдруг мальчика осенило, и глаза его загорелись. Он сорвал с себя шапку и, выдрав рваную подкладку, прикрепил ее к носку изношенного башмака Гретель так, чтобы получилось что-то вроде мягкой подушечки.

— Ну, — торжествующе воскликнул он, завязывая ремешки со всей быстротой, на какую были способны его окоченевшие пальцы, — вытерпишь, если я еще немножко затяну?

Гретель надула губки, словно желая сказать: «Ладно уж, можешь делать мне больно», — но ничего не ответила.

Спустя секунду они, смеясь, летели по каналу, взявшись за руки и не думая о том, провалится под ними лед или нет: ведь в Голландии лед держится всю зиму. Он с решительным видом располагается на канале и, вместо того чтобы таять и худеть всякий раз, как солнце греет его довольно жестоко, день за днем набирается сил и вызывающе сверкает навстречу каждому лучу.

Но вот под ногами у Ханса что-то затрещало. Он укорачивал шаг, спотыкался и наконец растянулся на льду, дрыгая ногами.

— Ха-ха-ха! — расхохоталась Гретель. — Вот так шлепнулся!

Но под ее грубой синей кофтой билось нежное сердце, и, все еще смеясь, она легко подлетела к лежавшему навзничь брату.

— Ты ушибся, Ханс?.. Э, да ты смеешься! Ну-ка, поймай меня! — И она умчалась.

Она больше не дрожала от холода, щеки ее горели, глаза искрились весельем.

Ханс вскочил на ноги и пустился вдогонку, хотя поймав Гретель было не так-то легко. Однако не успела она далеко откатиться, как ее «коньки» тоже затрещали.

Вспомнив, что порой уступка — залог победы, девочка внезапно повернулась и покатила прямо в объятия своего преследователя.

— Ха-ха-ха! Поймал! — крикнул Ханс.

— Ха-ха-ха! Это я поймала тебя! — возразила Гретель, стараясь вырваться из его рук.

В эту минуту послышался ясный, звонкий голос:

— Ханс! Гретель!

— Мама зовет, — сказал Ханс, и лицо его сделалось серьезным.

Канал весь золотился в солнечном свете. Хорошо было дышать чистым утренним воздухом, и конькобежцы всё прибывали.

Гретель и Хансу не хотелось уходить с канала, но они были хорошими детьми: им и в голову не пришло поддаться искушению и задержаться еще немного. Они стащили с себя деревянные коньки, не развязав и половины узлов на ремешках.

Домой они шли не спеша, Ханс, широкоплечий, с копной белокурых волос, был на голову выше своей голубоглазой сестренки: ведь ему исполнилось пятнадцать лет, а Гретель — только двенадцать. Он был сильный, крепкий мальчик, с ясными глазами, а на лбу его, казалось, было написано: «Внутри все хорошо», подобно тому как над входом в каждый маленький голландский зомерхейс¹ обычно написано какое-нибудь изречение. Гретель была гибка и быстра; в ее глазах плясали искорки, а если кто-нибудь смотрел на нее, румянец на ее щеках то бледнел, то густел. Так, когда дует ветер, клумба розовых и белых цветов кажется то ярко-, то бледно-алой.

Едва отойдя от канала, дети увидели небольшой домик — свой родной дом. Их мать, высокая, в кофте, юбке и плотно прилегающем чепчике, стояла на пороге, напоминая портрет в покосившейся дверной раме. До их домика было недалеко, но, будь он даже на расстоянии мили, он все равно казался бы близким. В этой плоской стране все предметы ясно видны издалека. Цыпленка можно разглядеть так же хорошо, как ветряную мельницу. Если бы не плотины и высокие берега каналов, можно было бы стать где угодно в самой середине Голландии и нигде до самого горизонта не увидеть ни холма, ни пригорка.

Никто не знал этих плотин лучше тетушки Бринкер и запыхавшихся ребят, бежавших на ее зов. Но, прежде чем рассказать, почему это так, позвольте мне прокатиться с вами в кресле-качалке в эту далекую страну, где вы, быть может, впервые увидите кое-какие любопытные вещи, на которые Ханс и Гретель смотрели каждый день.

---

¹ Зомерхейс — летний домик; павильон, в котором летом отдыхают, но не живут.

Глава II

ГОЛЛАНДИЯ

Голландия — одна из самых удивительных стран на свете. Ее следовало бы назвать «Землей странностей» или «Страной противоречий», так как она почти во всех отношениях отличается от других стран. Большая часть Голландии лежит ниже уровня моря. Здесь с большими затратами денег и труда построены огромные плотины и молы, чтобы удерживать океан там, где ему надлежит быть. В некоторых местах побережья океан напирает всей своей тяжестью на сушу, и бедная земля еле-еле выдерживает его напор. Временами плотины прорывает или они дают течь, и это влечет за собой гибельные последствия.

Плотины высоки и широки: кое-где на них стоят здания и растут деревья. Больше того — на плотинах проложены отличные дороги, с которых лошади могут смотреть вниз на придорожные домики. За плотинами по воде плывут корабли, и так как уровень ее зачастую выше уровня земли, то их кили движутся на такой высоте, какой не достигают кровли жилищ, стоящих в низинах. Аист, болтающий со своими птенцами на шпиле дома, быть может, считает, что, раз гнездо его свито так высоко, значит, ему не грозит никакая опасность; но лягушка, квакающая в соседних камышах, ближе к звездам, чем этот аист. Водяные насекомые снуют взад и вперед выше ласточек, гнездящихся в дымовых трубах, а плакучие ивы никнут, словно стыдясь, что не могут дорасти до ближних тростников.

Повсюду здесь встречаются рвы, заполненные водой, каналы, пруды, реки и озера. Выплеснутые морем на сушу, да так и не высохшие, они служат средоточием леей людской деятельности и сверкают под солнцем,

презирая тихие сырые поля, расстилающиеся рядом с ними. Хочется спросить себя: «Что же такое Голландия — берега или воды?» Ведь даже зелень, которой, казалось бы, предназначено расти на суше, тут как будто ошиблась и расположилась на рыбных прудах. В сущности, вся страна — нечто вроде насыщенной водой губки или, как сказал о ней английский поэт Батлер:

Страна на якоре, вокруг нее вода;
В ней не живут — плывут, как на судах.

Люди рождаются, живут, умирают и даже разводят сады на кораблях, плывущих по каналам.

Крыши на фермах напоминают громадные обвисшие шляпы, надвинутые домам на глаза, а дома стоят на деревянных ногах, как бы подоткнув юбки и говоря: «Постараемся остаться сухими». Даже лошади носят на каждом копыте по широкой скамеечке, чтобы легче было вытаскивать ноги из трясины. Короче говоря, Голландия — сплошной утиный рай. Летом это чудесная страна для босоногих мальчишек и девчонок. Как хорошо тут шлепать по воде и пускать игрушечные кораблики! Как хорошо грести, ловить рыбу, плавать! Только представьте себе целую цепь луж, по которым можно весь день напролет пускать щепки-суденышки, ни разу не поверачивая назад! Но довольно! Расскажи я обо всем подробно, мои читатели толпой помчатся на Зейдер-Зее.

Голландские города на первый взгляд кажутся какой-то диковинной чащей, в которой растут дома, мосты, церкви и корабли, пуская побеги в виде мачт, колоколен и деревьев. В некоторых городах лодки подводят к дому их хозяина и, как лошадей, привязывают к дверному косяку; груз на них спускают из окон верхнего этажа. Матери кричат Лодвейку и Касси: «Не раскачивайтесь на садовой калитке! Чего доброго, утонете!»

Водные дороги встречаются тут чаще, чем грунтовые и железные; водные ограды в виде канав со стоячей зеленой водой окружают площадки для игр, низменные поля и сады.

Кое-где зеленеют красивые живые изгороди; но деревянные заборы, которых так много у нас в Америке, редко встречаются в Нидерландах. О каменных оградах и говорить нечего: голландец в изумлении воздел бы руки к небу предложи ему кто-нибудь построить такую ограду. Здесь нет камня, если не считать огромных глыб, привезенных из других стран для укрепления и защиты побережья. Все маленькие камни и голыши — если только они здесь когда-нибудь были — заключены в тюрьму мостовой или рассыпались в прах. Мальчики с ловкими, сильными руками за всю свою жизнь не находят ни одного камня, чтобы пустить его по воде или вспугнуть им кролика.

Водные пути — иначе говоря, каналы — пересекают страну во всех направлениях. Каких-каких только каналов здесь нет, начиная от огромного Северо-Голландского судоходного канала (а он одно из чудес света) и кончая такими узкими канальчиками, что и мальчик может их перепрыгнуть. Водные омнибусы, так называемые «трексхейты»¹, постоянно ходят с пассажирами вверх и вниз по этим дорогам, а водные повозки, «паксхейты»,

---

¹ Трексхейты — суда, плавающие по каналам. Некоторые трексхейты имеют более тридцати футов длины. Они похожи на теплицы, поставленные на баржи, и их тянут лошади, идущие по берегу канала. Трексхейты имеют два отделения — первый и второй классы, — и, когда они не слишком перегружены, пассажиры чувствуют себя здесь как дома: мужчины курят, женщины вяжут или шьют, а дети играют на маленькой верхней палубе. Многие суда, плавающие по каналам, ходят под парусами — белыми, желтыми или шоколадного цвета. Шоколадный цвет они приобретают, если их для большей прочности пропитывают настоем из дубовой коры. *(Примеч. автора.)*

перевозят топливо и товары. Вместо заросших травой зеленых тропинок от поля к амбару и от амбара к саду тянутся каналы с зеленой водой, а поля, или «полдеры», как их здесь называют, — это просто большие озера, из которых вся вода выкачана досуха. В городах иные самые оживленные улицы представляют собой каналы, заполненные водой, тогда как многие деревенские дороги вымощены кирпичом.

Городские лодки с округлой кормой, позолоченным носом и ярко раскрашенным корпусом не похожи ни на одно судно в мире, а голландская повозка с ее причудливо изогнутым маленьким дышлом — настоящее чудо из чудес.

«Одно ясно, — воскликнет наивный оптимист, — тамошние жители никогда не испытывают жажды!» Но нет. «Страна противоречий» все-таки верна себе. Несмотря на море, что вечно пытается в нее хлынуть, и на озера, что вечно пытаются с нее схлынуть, несмотря на переливающиеся через край каналы, реки и каналы, во многих округах нет воды, годной для питья. Бедным голландцам приходится или чахнуть от жажды, или пить вино и пиво, или же посылать далеко в глубь страны, в Утрехт и другие счастливые местности, за этой драгоценной влагой, более древней, чем Адам, и все же юной, как утренняя роса. Время от времени жителям, конечно, случается глотнуть дождевой воды, если только удастся собрать ее, но обычно они, как преследуемые альбатросом моряки в знаменитой поэме Колриджа «Старый моряк», видят только, что:

Вода, вода со всех сторон —
Ни капли для питья!

Огромные, хлопающие крыльями ветряные мельницы разбросаны по всей стране; кажется, будто на нее только что опустились несметные стаи морских птиц.

Повсюду видишь диковинные деревья, причудливо подстриженные, со стволами, выкрашенными в ослепительно-белую, желтую или красную краску. Лошадей нередко запрягают по три в ряд. Мужчины, женщины и дети ходят, постукивая деревянными башмаками с отступающим каблуком. Если у деревенской девушки нет кавалера, желающего сопровождать ее на «кермис» (ярмарку), она нанимает себе спутника за деньги, а супруги полюбовно впрягаются рядышком в свои паксхейты и сами тянут их на рынок по берегу канала.

Другая отличительная особенность Нидерландов — дюны, иначе говоря — песчаные гряды. Кое-где на побережье их очень много. В старину, до того как дюны засеяли жесткой осокой и другими растениями, чтобы помешать им осыпаться, они насылали грозные песчаные бури на внутреннюю часть страны. Таким образом, вдобавок к прочим странностям можно отметить, что фермерам иногда приходится снимать верхний слой земли, чтобы докопаться до плодородной почвы, а в ветреные дни сухие песчаные ливни нередко сыплются на поля, которые остаются сырыми даже после целой недели солнечной погоды.

С другой стороны, многие странности Голландии служат доказательством бережливости и упорного трудолюбия ее народа. Во всем мире нет более богатого, тщательно возделанного сада, чем эта сырая, изобилующая влагой маленькая страна, и нет более храброго, более героического народа, чем ее спокойное, с виду пассивное население. Лишь немногие страны соперничают с Голландией в области важных открытий и изобретении; ни одна не превзошла ее в области торговли, мореходства, образования и науки, не сделала столько благородных усилий для развития просвещения и общественной благотворительности; ни одна, сравнительно с размерами